

«МОТОР РОССИИ ОБ ОДНОМ ЦИЛИНДРЕ...»

Пушкин – духовный мастер. Впервые вопрос ставится в таком неожиданном ракурсе. Самое главное, с чего начинается разговор на эту тему, было выражено лучшим и единственным по самоабвенной любви к Пушкину учеником его, Н. В. Гоголем, в судьбе которого после гибели учителя так больше и не появилось другого столь близкого человека. Гоголь жил анахоретом, не имел ни своего “угла”, ни жены, ни домочадцев – ничего. Вся его любовь, преданность, признательность и духовная, и душевная сконцентрировались на Пушкине. И он произнёс о Пушкине суждение, ставшее для сегодняшнего понимания подлинного положения вещей принципиальным.

«Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа. Это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, **явится через 200 лет.** В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в той же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Первая фраза – подлинное откровение, которое, конечно, не является достоянием самого Гоголя. Гоголь был медиум. Впечатлительный малоросский молодой человек от Пушкина и от других духовных мастеров того времени напитался настолько значительной информацией, что иногда пророчески изрекал глубокие эзотерические истины, сам, возможно, до конца не осознавая того.

Итак, «Пушкин есть явление чрезвычайное, единственное». Среди друзей поэта были выдающиеся люди, и может быть, поэтому начало XIX века названо золотым веком русского самосознания, русской культуры – и духовной культуры в особенности. В среде этих светочей Пушкин занимал не только первое место, он был

ЧАСТЬ I. ЭНИГМА АСП И Д.А

центром, *солнцем* в самом натуральном смысле слова. И это не «дерзкая» метафора, как показалось цензуре, когда высказывание Гоголя появилось в печати по смерти Пушкина. Это точное определение самой структуры поэта. Пушкин находился в центре, а окружавшие его люди были его “лучами”. Иногда они оппонировали Пушкину очень страстно. Таким был, например, Николай Полевой, который, тем не менее, очень любил Пушкина. Ещё при жизни Александра Сергеевича все они называли его человеком единственным, гением и даже *божеством*. Пушкин недаром применил это определение по отношению к Моцарту, ведь Жуковский назвал поэта точно так же: «Ты создан попасть в боги – вперёд. Крылья у души есть! Вышины она не побоится, там настоящий её элемент! Дай свободу этим крыльям, и небо твоё». Юный Сологуб говорил от имени своих сверстников, которые застали Пушкина на закате его земного бытия: «Нам, молодёжи, он казался полубожеством». Такое согласное отношение, конечно, очень важный момент, потому что единственным ориентиром нашего земного пути является Солнце. Вот и Пушкин – солнечная натура, гений, или *солнечный гений* Таро.

Продолжим: «...это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет». «Может быть». – Гоголь как медиум не мог стопроцентно отвечать за точность числа, но он почувствовал эту необыкновенную дату, это расстояние, этот масштаб и назвал сегодняшний день. Здесь более чем восторженный возглас, эмоциональный выплеск, не имеющий ничего содержательного. Русский человек через 200 лет – это мы с вами. Невроятное попадание с точки зрения развития событий.

Русская история именно со стороны эзотерики выглядит особенно выразительно. Россия претерпевала от ордынского ига, завоеваний, войн. Но посмотрим иначе. Россия – громадная страна и эта масштабность влияет на её судьбу. Вспоминается Пушкинско-Ершовская Рыба-Кит, которой размерно противопоставлен шмель из «Царя Салтана». Медленное развитие нашей страны, её величественное движение внутри земного бытия среди мелочи окружающих государств, напоминают притчу о слоне в посудной лавке. Всегда была опасность, что она вырвется из упряжки других народов и стран и улетит, как знаменитая птица-тройка, описанная Го-

голем, но открывая Пушкиным. Поэтому Россию постоянно осаживали, она ходила в железах, и железа эти ощущались ею как пытка. На самом деле они – вериги могучего подвижника, который никак не мог смирить свою плоть и даже в стреноженном состоянии отмерял если не семимильные, то уж, во всяком случае, трёхмильные шаги. Лучше всего суть её огненного существа передают знаменитые четыре скульптуры Аничкова моста. Норовистый конь, сдерживаемый человеческой волей, – точный образ России.

Русское бытование в пространстве истории – это желание накинуть стреноживающую верёвку на малейшее проявление активности, творчества, прежде всего, в сфере духа и – несмотря на это – постоянное пребывание России в состоянии необычайного духовного подъёма. Наша страна находилась в духовном авангарде Европы, а поскольку европейская культура была ведущей в мире, можно говорить о глобальном передовом стоянии России. Она ухитрялась всё делать первой, и русский XVIII век был наиболее прогрессивным в этом смысле. Пётр I являлся образцом монарха, царя-плотника, царя-преобразователя, перед которым склоняли головы «другие народы и государства». Пётр общался за границей с крупнейшими духовными мастерами. Находясь в своих европейских путешествиях и “стажировках”, он учился у таких гигантов мысли, как Лейбниц, вызывая восторг по отношению к себе; и все уже с этого времени ожидали от России необычайных и именно духовных успехов.

Во второй половине XVIII века происходит очень важное для Европы событие. Если на протяжении многих столетий европейцев вёл *культ*, то после Великой французской революции он уступает лидерство *духовной культуре*. И теперь уже *она* начинает определять направление дальнейшего движения человечества. Разница между культом и духовной культурой принципиальна и капитальна: если культ – это поклонение Божеству, то духовная культура есть понимание Божества; и Божество в этом случае воспринимается не как условность, в которую можно лишь верить, потому что она недоказуема, а как абсолютная реальность, бо́льшая реальность, чем наше земное существование. Поэтому внимание человечества концентрируется на высших мирах, где протекает самое полноценное, самое подлинное бытие. Появляется возможность,

во-первых, совершенно спокойно рассуждать о божественном, в силу того, что оно есть, а не просто предполагается, а во-вторых, исследовать его, потому что нет ничего прекраснее, чем исследование творения Божьего во Вселенной и на нашей планете в частности. Этим и занимается духовная культура; она осваивает антропологию, связанную с понятием человека как существа самостоятельного, принадлежащего божественной иерархии, субъекта, а не объекта воздействия. Человек, богоподобие которого было провозглашено некогда Христом, начинает восприниматься как сотворец Божеству. Иисус говорил, что все Его ученики и вслед за ними лучшие люди, *избранные*, должны становиться *сыновьями божьими*. Т. е. приобретать хриstopодобие. Но ни о каком богоподобии не может быть речи, если существует только слепая вера – а вера всегда слепа. Она нужна как доверие, человек должен найти своего учителя или некую информацию, книги, тексты и т. д., а затем на основе приобщения к слову, содержащему истину, дойти до реальности божественного бытия. Если это происходит, то можно говорить о духовной культуре. Если нет – всё впустую, всё напрасно. Именно реальность *божественного* ярче и масштабнее была воспринята в России. Если в других странах эзотерика обнаруживала себя как точечное явление, и была необходимость в создании рыцарского *ордена*, объединяющего лучших людей нескольких европейских государств, то Россия в этом отношении оставалась самодостаточной за счёт своих огромных пространств. Россия была полигоном, плацдармом, где начала пробуждаться свободная мысль.

Итак, самым важным явлением в начале XIX века было становление духовной культуры, и все духовные аристократы Европы стали её первоапостолами. Общественность именно из области культуры ждала слова абсолютного.

Пушкин представлял чистый тип первоапостола культуры. Недаром он взял Моцарта за образец и придал ему свои черты, внося в этот образ много маленьких, но очень важных впечатлений собственного бытия, в том числе слова Жуковского, сказанные о нём, и культуру тайных обществ, к которой был полностью привязан. Пара Жуковский-Пушкин – полный аналог союза Моцарт-Гайдн с той разницей, что Жуковский был посажённым отцом Пушкина и как

литератор, и как масон, в то время как посажённым отцом Гайдна в ложе был Моцарт.

Пушкинская судьба уникальна. Феноменально его появление на свет – он зацепил самый конец XVIII века, время становления духовного свободомыслия. Для него мистически был создан Лицей, где формировался будущий гений. Ещё совсем юный поэт сдаёт экзамен целой плеяде орденских опекунов, которые приехали в 1816 году на смотрины неофита. Пушкин с честью выдерживает проверку. Именно тогда Державин произнёс: «Моё время прошло. Скоро явится свету второй Державин – это Пушкин, который уже в лицее перешеголял всех писателей».

Орденская культура – культура братства, возникшая как альтернатива мещанству, распадающемуся на персоны. Братство и было важно, прежде всего. Показательно, что старшее поколение современников поэта, членов различных лож остро прореагировало на выход в свет юного неофита. Например, Жуковский был потрясён посвящением, адресованным ему Пушкиным в 1818 году. Он утверждал в одном из писем, что Пушкин буквально преследует его, как наваждение, с этим текстом и со своим дарованием. Только профанное непонимание могло когда-то послужить причиной некоторым литературоведам идентифицировать Вяземского с Сальери, Вяземского, который нежно любил поэта и стал одним из его ближайших друзей. Правда, среди ранних высказываний Вяземского есть такое: «Стихи чертёнка-племянника чудесно хороши. “В дыму столетий” – это выражение – город. Всё отдал бы за него движимое и недвижимое. Какая бестия! Надо бы нам посадить его в жёлтый дом, не то этот бешеный сорванец всех нас заест, нас и отцов наших». Эти слова лишь шутливая lamentация в письме одному из *братьев*. Позднее Вяземский тщательно опекал друга; именно он обеспечил Пушкину карьеру профессионального литератора. Исключительность нового светила как бы перевела всех окружающих во второсортность, однако их орденское состояние не позволило им в лютой зависти подставлять подножки, тормозить развитие этого необыкновенного юноши.

Известно, что поэт был сослан в южную ссылку по политическим мотивам. На самом деле коллективное *братское* управление

постановило отправить его на Юг, чтобы “остудить”, усмирить его жуткий темперамент и беснующуюся арапскую плоть, мешающую поэту сосредоточенно работать. Не было насильного этапирования в кандалах, напротив, опальному выдали в дорогу тысячу рублей, он мог делать всё, что заблагорассудится. И на Юге Пушкин попал в орденское окружение, его покровителями стали генералы Инзов и Павел Пушин. Они сделались такими же нежными отцами-наставниками, каковы были в столице Жуковский, Александр Тургенев, Карамзин.

В Кишинёве Пушкин проходит второе масонское посвящение. Первое посвящение им было получено в Петербурге в ложе «Три добродетели»; а до этого, после окончания Лицея, Пушкин прошёл посвятельное воспитание в двух литературных кружках, созданных по орденскому образцу, но с учётом особенностей вступительного периода в атмосфере лёгкого, игрового подхода к общению («Зелёная лампа» и «Арзамас»). Снова всё выстраивается исключительно под Пушкина; и как только определённый этап духовного становления пройден, так общества – с убытием центральной фигуры – автоматически прекращают своё существование.

Вернёмся к Гоголевскому высказыванию. Те самые 200 лет – точное эзотерическое описание 20-го аркана Таро *Воскрешение*, ибо 200 является его числовым значением. Уже более ста лет мы пробуждаемся энергией пушкинского 19-го аркана *Солнце*. Это реальное торжество орденской культуры и русского духа не в былинном, а именно в гностическом смысле. Происходит такое потому, что сама структура Пушкина была выстроена Высшими Силами.

Лучи Пушкина сияют ослепительно ярко, ибо, опрокинув всё своё окружение во второсортность, он одновременно всех обесмертил, даже Дантеса, подобно тому, как Христос обесмертил Пилата и Иуду. Феномен Пушкина показывает, что такие люди есть явление космическое, что они действительно небесные вестники. Их присутствие часто воспринимается как разрушительное и нежелательное (вспомним Сальери), как очень сильное жжение от близкого контакта с необычайно огненным существом. Но духовная культура приходит с совершенно другой феноменологией. «Ге-

ний и злодейство – две вещи несовместные», – не просто красивая фраза, это глубокая эзотерическая формула.

Взаимодействие человека с Высшими Силами, т. е. *религия*, проявляется в трёх последовательных стадиях. Первая: праотцы-пастухи ходили под открытым звёздным небом и общались с небосводом, как с Божеством. Это прямой контакт с *божественным* без посредничества жрецов. Вторая стадия: со временем увеличивалась семья, росло население, но люди мельчали – это были уже не гиганты-праотцы. После эпохи патриархов возникла необходимость посредников для общения с Божеством – появился класс жрецов. Первый Завет, Завет Бога-Отца, сменился Вторым, Заветом Бога-Сына, который является Новым только по отношению к Ветхому. На самом деле перед нами единое, но лишь модифицированное мировоззрение. Наконец, третья стадия: наступает эра духовной культуры, эра Третьего Завета, Завета Духа Святого. И Россия, где творили первоапостолы Третьего Завета Д. С. Мережковский и М. А. Булгаков, оказалась в авангарде европейского человечества. Эзотерика здесь процветала и будет процветать всегда, независимо ни от каких обстоятельств, потому что Россия выстрадала её, потому что именно в русском народе существует глубочайшее мистическое восприятие основополагающих эзотерических понятий, которые, казалось бы, свойственны только орденской культуре. У русского народа, например, есть ёмкие образы-формулы, связанные с Богом-Отцом, Богом-Сыном и Богом-Духом. Это соответственно **высота, широта и глубина**, или *голубина* (вот откуда взялось название «Голубиная книга»). Кстати, *русский крест* образован вертикальной и двумя поперечными планками, одна расположена в плоскости, а другая, находящаяся ниже, идёт как бы перпендикулярно, в глубину. Такой *русский объёмный крест* подобен кубу в четвёртом измерении. Этой конструкции соответствуют три феномена в области этих трёх последовательно сменяющихся форм взаимоотношений человека и Бога, трёх Заветов. Первый Завет – *герой*, героическое стояние. Ему на смену приходит *святой* Завета Второго – отшельник, отделившийся от коллективного следования жреческой благополучной, введённой в определённые догматические рамки культовой обрядности. Понятие *святой* обя-

зательно включает в себя и дефиницию *герой*; когда *святые* претерпевали, они в этом случае вели себя как *герои*. И, наконец, Третий Завет приходит с феноменом *гения*, о ком Пушкин сказал первым в мире. *Гений* – это и *герой* и *святой*, поскольку злодейство с ним несовместно. Значит, Моцарт уже *святой*, даже если бы не писал музыки; но он и *гений* к тому же! Значит, *гений* – ещё более мощное стояние, это человеческая высота Третьего Завета, Завета Духа Святого. Каждый следующий Завет последовательно исполняет предыдущий. Христос, говоря совершенно противоположное Ветхому Завету, тем самым его исполнял, завершал. К князю Мышкину – человеку Третьего Завета – не относятся знаменитые заповеди: не убей, не укради и т. д. Князь Мышкин так устроен, что заставить его убить или украсть невозможно. Люди Третьего Завета “скроены” по образцу Моцарта. Кстати, Моцарт послужил основой для создания образа князя Мышкина.

Если посредником между Небесами и людьми во Втором Завете является ангел, то в Третьем Завете ему на смену приходит *солнечный гений*, присутствующий, как персонаж, в трёх Таротных арканах (6-ом, 14-ом, 20-ом). Значит, человеческий гений является как бы сколом, отблеском *солнечного гения*, который, мигрируя между Солнцем и Землёй, постоянно опекает Землю; он уже *не просто вестник, а инициатор и участник событий*. Стало быть, и человек уже не баран, которого нужно всего лишь подгонять, а творец, владеющий полной и тонкой информацией о Небесном и земном. Если Первый Завет – это *надежда* абсолютно на всё, в том числе на какие-то более подробные, более чёткие сведения о Божестве, то Второй Завет – *вера*, «вем Ра», – ведаю Ра, ведаю, ощущаю Бога Солнца; Третий же весь покоится на *знании*. **Знание Божества – высшая форма любви к Нему.** Самая большая любовь может осуществляться только при помощи познания любимого человека, если речь идёт о земном. Поэтому высшая форма любви дала возможность начать самое главное дело – разработку темы Христа со стороны духовной культуры, что было невозможно в условиях монополии на Христа со стороны культа. С этим гениально справился в своём знаменитом произведении М. А. Булгаков. В России эпоху эзотерической хринологии начал именно Пушкин; и стран-

но, что очень много говорится о поэте, а об этом – самом главном – никогда не упоминалось. В плане будущих «Маленьких трагедий» есть слово, которое определяет сюжет одного из произведений, – *Иисус*. К сожалению, трагедия с таким названием не была написана. Судя по всему, Пушкин полностью выложился по этой теме, создав образ Моцарта – абсолютно хриstopодобного земного существа, своего рода князя Мышкина XVIII века. И именно сходство с Иисусом Моцарта – *Агнуса Дзи* – дало Пушкину возможность непосредственно высказаться о Христе. Между тем он всё время об этом думал.

Обращение к Пророку из Назарета бесконечно в Пушкинских произведениях; и если оно носит орденский характер, а не культовый, то это не меняет положения вещей. Например, создавая своё знаменитое переложение притчи, басни, как он говорил, «умеренного демократа Иисуса Христа» *Вышел сеятель сеять...*, Пушкин, стесняясь, как все русские люди, пытается говорить шутливо, но это только речевое поведение, за ним кроется глубочайшая сосредоточенность на проблеме. Далее поэт касается образа *странника Христа ради* уже в большом стихотворении (маленькой поэме) «Странник», которое является переводом-переложением начальных глав книги Джона Баньена «Путь пилигрима». Вообще, всё лучшее в человеке, что описывается поэтом, связано с Христом. Пушкин как никто другой понимает, что жизнь человека непременно должна быть связана с метаморфозами (конёк его любимца Овидия), улучшением, чтобы стать *человеком совершенным*, ибо лишь в этом случае можно говорить о его хриstopодобии. Пушкин парадоксален, однако самый большой парадоксалист на Земле – Иисус Христос. Нигде нет таких парадоксов, как в Новом Завете. И все лучшие люди иногда по своему характеру бывали убийственно парадоксальны; тем более Пушкин, ведь на “замес” такого невероятного существа повлияли и Африка с Египтом, и европейская, и азиатская культуры, к которым географически принадлежит Россия.

Знаменитое стихотворение «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» показывает фантастическую возможность мобилизации и концентрации, которая настолько мощна, что Пуш-

ЧАСТЬ I. ЭНИГМА АСП И Д.А

кинское слово становится магическим как по отношению к миру, так и к нему самому. Однажды произнеся слово «Пророк», Пушкин создал Достоевского. Своим Вергилием, исполнявшим роль небесного покровителя-проводника, Пушкин избрал Овидия, автора эпической поэмы «Метаморфозы», которая всегда была большим соблазном для христианских богословов, поскольку, с одной стороны, это наиболее мощное произведение о модификации, а с другой стороны, она “языческая” по содержанию (в кавычках, конечно). Потому-то само слово *метаморфоза* боялись произнести, ибо это то же самое, что и *преображение*. Гениальная поэма Овидия содержит концепцию бесконечных метаморфоз, прохождение через которые человека в его стремлении к совершенству и есть, собственно, жизнь. Боль и страдание сопровождает человеческие метаморфозы. Недаром сказано: «Зло на Земле неуничтожимо, ибо борьба с ним это и есть жизнь». Пушкинская биография представляет путь человека, который, несмотря на метания и шаги в сторону, всё-таки стремился к окончательной метаморфозе, преображению. И в стекленеющих глазах Пушкина Жуковский увидел его преображённым, – к точке смерти поэт пришёл в абсолютном совершенстве. Вспоминаются слова Экзюпери: «Я хочу видеть тебя в совершенстве смерти». Поэтому, может быть, русские “торжества” 1937 года, несмотря на то, что они были спровоцированы режимом, стали чрезвычайно насыщены *голубиной* содержания.

А теперь мы рассмотрим пушкинскую жизнь в деталях и, прежде всего, само его рождение и все обстоятельства, отдалённые от нас во времени и в пространстве, но имеющие огромное значение для объяснения одной из величайших мировых загадок.